

Дарья Рассветная

18+

НАПОЛНЯЮЩЕЕ
ДО КРАЁВ

Дарья Рассветная

**Наполняющие до краев.
Сборник повестей**

«Издательские решения»

Рассветная Д.

Наполняющие до краев. Сборник повестей / Д. Рассветная —
«Издательские решения»,

Красота нашего мира не поддается описанию. Красота природы, красота порывов человеческой души... Когда наблюдаешь за проявлением последней вся природа ликует. Ангелы ликуют! Но знали бы люди, сколько сил они прикладывают, чтобы помочь создать цепь событий, в которую попадает человек, чтобы случилась красота Жизни. Каждая история повествует о взаимодействии человека и Ангелов, но это взаимодействие легкое, невесомое и невероятно чудесное.

Содержание

Наполняющие до краев	6
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ В ГОРАХ	7
Старт	8
«Кукла» на дороге	9
Пастух	11
Ночной вой	12
Байбаки	14
Вафли	15
Зубная щетка	17
Праздничный ужин	18
КВАРТИРНЫЕ «ПЕРЕВЕРТЫШИ»	21
Соседи	21
Чистота и брезгливость	23
Собака в квартире	25
Если бы не собачья еда	28
Спасение Славы	30
Женитьба	32
Брат	33
Паспорт	35
Разрешение	39
Потоп	41
Переезд	43
Предсмертное признание	46
Бумеранг сработал. От автора	47
СГУБЛЕННАЯ БЕРЕЗА	49
Эниология в действии	49
Сгубленная береза	50
Гладкая дорога	52
Рана	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Наполняющие до краев Сборник повестей

Дарья Рассветная

© Дарья Рассветная, 2026

ISBN 978-5-0070-2153-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наполняющие до краев

Красота нашего мира не поддается описанию. Красота природы, красота порывов человеческой души... Когда наблюдаешь за проявлением последней вся природа ликует. Ангелы ликуют! Но знали бы люди, сколько сил они прикладывают, чтобы помочь создать цепь событий, в которую попадает человек, чтобы случилась красота Жизни.

Каждая история повествует о взаимодействии человека и Ангелов, но это взаимодействие легкое, невесомое и невероятно чудесное.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ В ГОРАХ

Катя и Слава продолжали общение со своими друзьями, Мариной и Владиславом, в течение года они часто виделись, навещая друг друга по праздникам или выходным. В летний отпуск Марина любила отправляться куда-либо в путешествие и звала с собой и Катю. Слава не препятствовал Кате ездить с этими добрыми людьми, тем более, что ее отпуск как преподавателя совпадал с отпуском Марины и ее Владислава, которого, как правило, также отпускали с работы одновременно с женой.

Старт

«...Мы отправились в путешествие по степям Башкирии. Нас было несколько человек, умещавшихся в двух легковых машинах: «Соболь» и «Лада Калина». «Соболь» вел дальний родственник Владислава Сергей, а «Ладу Калину» — Владислав. Настрой держался приподнятый. Впереди нас ожидали впечатления, приключения и... наслаждение природой, водой, воздухом. Где-то еще остались чистые уголки природы или хотя бы не очень загрязненные. Вот именно за этим и поехали — хоть немножечко пожить в местах, мало «освоенных» человеком.

Мы ехали несколько дней, делая остановки то на придорожной поляне, то в поле, иначе говоря, там, где нас заставляла ночь.

Все женщины, имея в виду себя, Марину и Валентину Степановну, были замужние, кроме одной, Инги. Она — девушка веселая, иногда словоохотливая, любила купаться. Все могла променять на купание.

И вот мы встали на берегу небольшой речки. Красиво, уютно и почти чисто. За ужином Сергей говорит:

— А что это у нас все замужние, а одна нет? Может быть ее замуж отдать?

Тут все зашумели, заговорили. В итоге жарких дискуссий наша компания решила выдать Ингу за выходца с горных равнин — работающего крестьянина-скотовода. Поговорили-посмеялись да и забыли об этом. А на следующий день к вечеру к нашему лагерю подъехали две машины.

Из машин вышли семеро мужчин. Дверцы одной машины распахнули настежь и включили магнитола. Мужчины быстро соорудили костерок и начали жарить шашлыки. Им вторили звуки знакомых и приятных мелодий. Инга наша крепко задумалась.

— А может, выйти, познакомиться?

Тут же ей Валентина Степановна предложила посильную помощь:

— Мы сейчас все женщины выйдем с плясками русскими, притопами, прихлопами и представим тебя женихам. Ну как?

Марина, ответственная за провиант, мечтательно подхватила:

— Запросим за тебя двадцать пять баранов, и нам на всю оставшуюся дорогу хватит.

Инга, как услышала про баранов, так сразу заволновалась:

— Ага, вы будете баранов есть, а я только облизываться! Ну, уж нет!

Ей такой расклад дел решительно не нравился, но все же заняла наблюдательный пост в кабине газели. Оттуда легкопросматривались все «женихи».

— Чтоб не пил, не курил и носки умел стирать, — комментировала Инга нам свои пожелания к будущему мужу.

Однако вышла неувязочка. Все мужчины с шашлычком водочку потягивали и смаковали при этом. Инга внимательно всех рассмотрела и вскоре вынесла вердикт: знакомиться с женихами она не намерена. Ее требованиям они не соответствуют.

А мужчины, поедавшие шашлык, ждали-ждали, а невеста к ним так и не вышла. Сами навязываться не посмели. Доев мясо, они уехали восвояси. Мы мирно переночевали, а наутро двинулись дальше.

«Кукла» на дороге

В тот день мы долго искали место для ночной стоянки.

Перед нами раскинулась река. Заехали с одной стороны реки, попали в непролазный лес, зато на другом берегу, как мы сумели разглядеть, раскинулся песчаный пляж. Развернули машины и поехали на другую сторону реки. Чтобы это сделать, следовало проехать по деревне. А это не так-то просто. Когда чужаки, да еще из другого региона, да еще по какой-то глухой деревне, вдали от центральных дорог проезжают по деревенской улице, полдеревни сразу узнает об этом. И всем интересно, кто и куда едет.

А мы искали отворот в сторону реки. Вроде бы нашли, какой-то отворот нашелся сразу за деревней. Там же начиналось и поле подсолнухов. В них стояла одна — единственная корова. Она, видимо, никак не хотела расставаться с красивыми желтыми цветами. Корова отрывала часть головы подсолнуха и, закрыв глаза, с упоением ее зажевывала. Мы даже специально вышли из машин, чтобы посмотреть на нее.

Потом поехали дальше и, доехав до реки, поняли, что того пляжа, который нам приглянулся с другой стороны, здесь нет. Где же он? Скорее всего, есть другой отворот подальше от деревни. Мы проехали вперед, дорога снова привела на шоссейную дорогу, с которой попали в деревню. Почему-то не стали разворачивать машины, чтобы поехать назад в поисках другого заезда в деревню — вот тут-то мы и потеряли бдительности во второй раз заехали в деревню. Засветились на все сто. Ну, тут уж даже самый ленивый не мог нас не заметить.

На этот раз снова увидели ту самую корову, что уплетала подсолнухи. Она бежала (именно бежала!) впереди, а за ней хозяин с хозяйкой на мотоцикле «Урал» ее подгоняли.

— Замечательный метод скотину домой загонять, можно взять на вооружение, — подытожил Сергей.

Выехали из деревни дальше первого отворота и видим: справа по ходу движения стоит кукла — яркий платок, подвязанный на палке.

Слышали мы про таких кукол — придорожных. Их ставят, чтобы избавиться от семейных проблем. Каким образом? Подойдет человек, ничего не знающий, посмотреть, что за диво на дороге? Возьмет куклу в руки, а вместе с ней к нему прилепится и весь наговор, что на куклу сделан.

Кому-то плохо в жизни, семья рушится или что другое. Сам человек не способен свои проблемы решить, так он их другим желает передать. На куклу наговорит свою беду и выставит на дорогу. А какой-нибудь простак хватит ее, и беда чужого стала его, а изготовитель куклы — от беды своей избавляется.

При виде такой куклы у всех у нас возникло нехорошее чувство. Но ничего не поделаешь, поехали вперед. Надо же где-то было вставать на ночлег — время было уже позднее. Наконец-то выехали на искомый пляж. Мы все вымотались за целый день пути и, недолго думая, где разбить лагерь, встали недалеко от полевой дороги, на самом краю поля.

Все казалось хорошо, погода прекрасная. Легли спокойно спать. Утром благодатную тишину нарушил громкий звук. Дежурные по кухне били в крышку от кастрюли ложкой, срочно созывая всех. Оказывается, у нас ночью были посетители. Они прихватили два складных стула, котелок, поварешку с длинной деревянной ложкой, чехол от складного столика, сахар и соль. Все, что нужно для комфорта на рыбалке. Мы подумали сначала, что это местные жители похозяйничали — калым с нас взяли за постой на их территории.

После завтрака, когда начали собираться в дорогу, заметили двоих крестьян, походивших мимо нашего лагеря. От них мы узнали, что в их округе завелся преступный элемент, сбежавший из зоны. Мы пытались себя рассмешить и снять дискомфорт, который все испытывали:

мы радовались, что он в палатки не полез. Все-таки побоялся привлечь к себе внимание — кто-нибудь бы да проснулся.

Понимаете, дело не в том, что пропали мелкие вещи. Дело в том, что мы ехали с хорошим настроением и настроем, желая всем вокруг добра и света, а к нам при всем при этом кто-то влез, словно кто-то грязной рукой хлеб взял со стола.

Вот тебе и кукла, вот тебе и проезд по деревне глухой.

Пастух

Едва сев в машины, чтобы продолжить путешествие, мы увидели пляску пылевых вихрей. Сначала первый вихрь закружился широким кругом и через несколько секунд растворился в воздухе. Следом на этом же месте поднялся второй вихрь. Он же вытянулся тонким столбом вверх и так же, как первый, быстро пропал. На прощание через дорогу закружился вихрь в третий раз. И совсем быстро исчез. Мы замерли в созерцании. Думаю, эта картина останется у всех нас в памяти надолго.

Спасибо духам воздуха, они подбодрили нас. Мы поехали дальше. Ехали целый день, пока не пришло время сделать следующую стоянку.

В поисках очередной стоянки мы обратились к пастуху, пасшему стадо коров и овец у реки. Пастух оказался дипломированным в прошлом инженером.

— Давайте, давайте, — с готовностью предложил он. — Поехали. Я покажу, где люди обычно останавливаются на отдых.

Радужный пастух без всяких долгих разговоров запрыгнул в нашу «Ниву», как только понял, что мы на ней собираемся ехать на разведку. Он и хлыст бросил к нашим ногам, и стадо оставил на нашу честь и совесть. А стадо-то частное, не колхозное. Эх, как все-таки важно человеческое общение. Все готов человек отдать взамен теплого живого слова. С коровами-то не слишком много наговоришь.

Пока машина-разведчик ездил в поисках стоянки, мы, оставшиеся со стадом, вдоволь нафотографировались и с хлыстом, и без. И лошадь пастуха покормили хлебом, и на коровушек насмотрелись. Хотели уж подоить, но пастух вернулся, и мы отправились на одно из указанных им мест.

Рядом с рекой, на берегу, на котором виднелись то тут, то там лепешки коров, мы были окружены старинными высокими ивами. Часть из них лежала на земле, преграждая выход к реке. Видимо, бобры решили заградить дорогу коровам, которые ходили на этот берег к ним и шлепали свои лепешки.

Если при встрече с пастухом на улице была жара досорока пяти градусов, то в том месте она опустилась до плюс пятнадцати. Это место, спрятанное в горах, нас удивило, поразило и даже ошеломило. Пока мы там находились, ивы качались и шумели так, как будто шумел прибой. Их ветки сгибались почти до земли, предвещая ураган. Мы не могли спокойно разговаривать. Постоянно приходилось перекрикивать этот шум. Кроме того, пришлось достать куртки и брезентовые штаны, чтобы не замерзнуть. Спалось нам плохо. Всю ночь палатки качались и рвались улететь. Но все обошлось, урагана не случилось.

Ночной вой

В эту ночь произошло событие из ряда вон.

Темнело. И вдруг пошел дождь. Нужно было срочно разбивать лагерь, пока совсем не залило.

Кстати говоря, я жила с Валентиной Степановной, Инга — одна, Сергей ночевал в своей машине. К слову сказать, она вообще была женщиной самостоятельной и справлялась с палаткой без помощи. Глядя на нее, я не роптала, когда приходилось собирать и складывать палатку, как и она, одной. Валентина Степановна часто уходила к Марине и общалась с ней. У нее всегда было много вопросов по разным темам. А поскольку стоянки длились не всегда подолгу, то она и пользовалась любой возможностью, чтобы пообщаться с Мариной.

Все на удивление быстро смогли поставить палатки, а мы с Валентиной Степановной замешкались и оказались последними. Валентина Степановна рассматривала травы и поясняла мне их свойства. Две палатки уже заняли место под величавым раскидистым кедром, а наша не помещалась.

Мы тоже захотели выгадать место и для своей палатки. Владислав, интеллигентный, но при этом дотошный в мелочах, заканчивал ставить свои растяжки. Он ставил боковую растяжку под прямым углом от палатки. Если бы натянуть ее параллельно палатке, то нам бы удалось втиснуть свою. Я поделилась своими наблюдениями со своей напарницей, и та осмелилась предложить это Владиславу:

— Вы бы, Владислав Васильевич, поставили бы растяжку в другую сторону.

— Нет, чтобы хорошо натянуть палатку, надо ставить только так, — услышали в ответ.

Поставили палатку, где пришлось: выше остальных. Ниже кедров ставить было нельзя, поскольку он рос почти над обрывом. Накрыв верх палатки пленкой, наконец-то и мы забрались внутрь. Переоделись, — дождь нас начисто промочил.

Снаружи стояла какая-то необычная тишина, что даже зазвенело в ушах. Тишина настоявалась и не давала уснуть. Вдруг через короткое время в глубине леса раздался вой.

— У-у!

— Валентина Степановна, вы слышали? — спросила я свою соседку.

— Да, кто же это? — зашептала она в ответ.

Над поляной еще сильнее и протяжнее снова пронеслось:

— У-у-у!!

В вой добавились нотки какого-то даже рычания.

— Ры-у-у!

Мурашки побежали по спине от страха. Следом зазвучал второй голос. Рычали или выли уже двое или трое животных.

— Нас окружают волки, — констатировала я. — А мы с вами ближе всех к лесу.

Послышался звук раскрываемой молнии на палатке или показалось. По крыше палатки все еще барабанил дождь.

— Катя, Инга, Валентина Степановна, вы меня слышите? — с трудом различила я голос Марины сквозь шум.

— Да, слышу, Марина, — отозвалась я, немного расстегнув вход и выглянув наружу.

— Что там происходит? — спросила Инга.

— Без паники, девочки. Видимо, волки или кто-то еще вышли на охоту. Ближе они не должны подойти. Нас много, а запах людей они чувствуют издалека. Вы, главное, по одному из палатки не выходите. Поняли?

— Да, из палатки не выходить, — откликнулись мы.

— А мне как быть? — спросила Инга.

— Ты Катю кричи и только тогда выходи.

— Хорошо.

— Катя, слышала? — обратилась ко мне Инга.

— Да, конечно. Я подстрахую тебя, буди, если что.

— Все, всем спать.

— Спокойной ночи, Марина, — ответила Валентина Степановна, высовываясь из-за моей спины из палатки.

Сергей уже давно храпел в своей машине, — он быстро засыпал, — и беспокойство остальных его не коснулось.

Забравшись обратно в тепло палатки, мы еще послушали протяжный вой какое-то время, пока сон не унес нас в свои миры.

Байбаки

Все только начали вставать, а я решила пробежаться по этому интереснейшему местечку. Я всегда бегала по утрам, если к этому располагала местность. Мы же целый день находились в дороге, сидели в машинах тесно прижатые сумками со всех сторон, поэтому я пользовалась любой возможностью размяться.

В этот раз моя «беговая» дорожка лежала вдоль реки, у которой мы встали. Пробежав буквально несколько метров, прямо из-под ног послышался вскрик. Я резко отпрянула в сторону, испугавшись, что наступила на кого-то. При внимательном рассмотрении увидела под ногами всего лишь широкую трещину в земле, а в десяти шагах от меня — вырытую нору.

Это байбак!

Я побежала дальше. Крик повторился уже с другой стороны. Пока я бежала вперед, крики разносились от норы к норе, от трещины к трещине, от байбака к байбаку. Они предупреждали друг друга о чужаке на их территории. Повернув назад в сторону нашего лагеря, заметила, что байбаки изменили тактику. Свой предупреждающий сигнал стали издавать уже не из нор, а на поверхности. Они выскакивали из нор, вставали на задние лапки, как постовые перед началом, вытягивались в струнку и отдавали честь. Но за несколько метров до моего приближения они исчезали в земле. Чем дальше бежала, тем любопытнее и смелее становились животные. Они подпускали меня к себе совсем близко. И все же успевали нырнуть вглубь за пять метров до меня. В одном месте «стояли в карауле» сразу пять байбаков: по два у двух норок и один у третьей. Все смотрели в одну сторону. Красиво, элегантно и почему-то трогательно. Такая пробежка останется в памяти надолго.

Вафли

После завтрака отправились в путь. Дальнейшая дорога завела нас в военный городок. Как нас пропустили без пропуска, нам не ведомо. Мы наивно и без всяких задних мыслей попросились покупаться и нас пропустили. Может быть, купаться пускали всех. Проехав КПП, мы углубились в лес и вскоре достигли реки.

Река и пляж, что открылись нашим глазам, превзошли все наши ожидания. Песочные барханы извилистой резьбой протянулись вдоль всей кромки воды. Они словно застывшие волны принимали на себя катившиеся воды реки.

К вечеру в обход нас пошли БТРы. Они ехали на учебный полигон. Всю ночь нас подбрасывало в своих палатках от грохота орудий и автоматной пальбы. Представлялось, что мы, словно лазутчики в стане врага, забрались в тихое местечко, откуда все слышали, хотя и не видели.

Позавтракав, как всегда вкусно и сытно — продукты закупали в придорожных деревнях, — мы продолжили наше путешествие.

Удивляла красота пейзажей, восхищала красота, опрятность домиков. Даже в деревнях, которые находились в глубинке, где редко кто бывал, домики стояли чистые, крепкие, выкрашенные, с резными наличниками. Иной раз наличники выглядели как произведения зодчества.

С одной стороны, домики отличала простота форм, без изысков новых веяний в архитектуре малых строений. С другой стороны, искусно вырезанные наличники, а также свисающие с крыши деревянные кружева по периметру дома радовали глаз и питали эстетические чувства.

Остановились в придорожной деревне, чтобы уточнить дорогу к ближайшему магазину, который давно не встречался на пути.

Напротив нас стояло несколько деревенских ребятишек лет трех-четырех. Они жались к забору и во все глаза смотрели на нас. Мы захотели запечатлеть их на видео: они были очень милы. Владислав направил на них камеру. Вдруг со стороны дома из широко распахнутых ворот со всех ног выбежала к ним бабушка. Она явно была напугана. Ее волосы растрепались, но ей было все равно. Она выбежала на улицу, что-то резко сказала детям на местном наречии. Дети скрылись во дворе дома и закрыли ворота. А нам ничего не оставалось, как спросить у нее, где магазин. Женщина заметно расслабилась, разглядев наши дружелюбные лица. Вздыхнув с облегчением, она ответила на наш вопрос.

Мы уже заметили, что дети и вообще все местное население очень подозрительно и с большой опаской относились к проезжающим. Наверно, пострадали от них и не доверяли.

Проехав буквально метров десять вперед, увидели магазин. Марина и Инга ушли за покупками, а я обратила внимание на группу из пяти-шести ребятишек, стоявших на углу того самого забора. Один сидел на заборе, другие стояли кучкой, перед ними стоял детский велосипедик. Среди детей выделялась девочка, самая старшая на вид — может быть, лет семи.

Я надумала пообщаться с ними немного, если получится. Взяв из машины пять вафель по числу ребят, приблизилась к ним. Не совсем вплотную, боясь, что они разбегутся. Все же один малыш, сидевший на заборе, юркнул в кусты и спрятался за пышную яблоню. Спрашиваю: «Хотите вафли?» Молчат. А старшая девочка помотала отрицательно головой. Я снова: «Вы любите вафли?» Они снова молчат. Только старшая девочка вновь помотала отрицательно головой. Глядя на их немного грязные личики, я подумала, что им, конечно, хочется вафель, только они мне об этом не скажут. Как же им их отдать? Вафли были ароматные, свежие. Оценив обстановку, положила вкуснятину башенкой на сиденье велосипеда, который разделял нас.

— Ешьте, они вкусные, — сказала я и вернулась к машине.

Когда оглянулась, вафли исчезли.

Тут нельзя не упомянуть один печальный факт. Марина закупила сладости в магазине, чтобы угостить всех в связи с днем рождения ее мужа.

Отмечу мимоходом, что с мужем у нее сформировались прекрасные отношения. Взаимопонимание и любовь сквозили во всех их словах, взглядах, обращенных друг на друга. Они заражали всех своим спокойствием и дружелюбием.

Когда мы отъехали от деревни на несколько километров, она вдруг обнаружила, что пакет со сладостями остался в магазине. А там и конфеты разного сорта, и печенье. Видимо, сладости были нужнее кому-то другому в этой деревне. Возвращаться в магазин не стали, помня о «кукле» на дороге.

Зубная щетка

Среди нас есть очень добрый и безобидный человек. О нем или, вернее, о ней хотелось бы рассказать одну маленькую историю.

Валентина Степановна — старейший член нашего экипажа. Заботливая, верная соратница и друг всех сырых и обделенных, Валентина Степановна никак не могла найти свою зубную щетку. Она искала ее уже пару дней, но она не находилась, и Валентина Степановна решила купить новую. Для этого Валентина Степановна заходила во все магазины, которые попадали нам на пути. Она никак не могла определиться с выбором. Выбирала, выбирала, но что-нибудь да не нравилось ей в щетке. Ну, это же не супермаркеты. Лежат, например, на прилавке деревенского магазина две щетки, одна — длинная, другая — малюсенькая с желтой щетиной. Трудно, согласитесь, выбрать. Но вот, в один из вечеров Валентина Степановна с гордостью продемонстрировала нам за ужином свою покупку. Это была щетка, конец ручки которой венчала миниатюрная машинка, скоростное авто на колесиках. Пожилая, почти беззубая женщина и гоночная машина на щетке в комплексе представляли собой невероятно смешное зрелище. Все хохотали от души, сдержаться не было никаких сил.

Как только новая щетка была куплена, на следующий день, как обычно бывает, нашлась старая щетка. Но и это бы еще ничего. У Валентины Степановны была особенность.

В самый первый день нашего путешествия, перед тем как пойти спать, наливаю я себе в ковшик воды, чтобы почистить зубы, и от чистого сердца предлагаю Валентине Степановне: «Вам налить воды?» «У меня чистить-то нечего, всего один зуб», — отвечает та. Столько усилий было приложено, чтобы щетку найти, а чистить-то приходилось и не зубы вовсе, а протезы.

Праздничный ужин

В тот день наш путь пролегал по каменистой и немощенной дороге. Мы ехали очень долго, тряслись на ухабах, глотали пыль, клубами залетавшую в окна, обливались потом, текшим в три ручья. Дороге не было конца. Вокруг возвышались высокие сосны и ели, и нигде не было видно и следа какого-нибудь жилья. Просто дорога, и все. И вдруг за очередным поворотом, из сотни таких поворотов показалось строение. А на нем надпись «Серебряный ручей».

Не сговариваясь, мы выпрыгнули из машин, не веря своим глазам. Источник с холодной и чистой водой весело стекал вниз. Он наполнял собой большой алюминиевый котел, или цистерну, где можно было даже окунуться.

Ощущения от приседаний с головой в ледяной воде после пятидесятиградусной жары и семи слоев пыли на теле, пропитанных и закрепленных потом, трудно поддаются описанию. Это можно только испытать. Купание оказалось бесплатным, хотя и проходило на территории частного банного комплекса. Это нас весьма порадовало. Мы бы и деньги не пожалели за горно-водные процедуры. После купания дальнейшая дорога пошла веселее. Оставалось подыскать место для очередной ночевки и проведения дня рождения Владислава.

Признаюсь, мы искали особенное место и нашли. Заехали в горный массив, где среди высоких шапок зеленых холмов приглядели пологое место, там и расположились.

После установки палаток и организации общей территории взялись за приготовление праздничного ужина.

Женщины нарезали вкусный салат, богатый по количеству овощей в нем, сварили плов и даже приготовили... торт из печенья. Делать его доверили Валентине Степановне. Она складывала печенье на печенье, промазывая каждый слой сгущенным молоком.

К торту также выставили фрукты, которые были выложены красивой горкой. Среди них лежали и виноград, и персики, и сливы. Арбуз подавался отдельно. Вообще арбузов в поездке ели много, покупали почти каждый день, если находили в магазине.

Пришло время поздравлять Владислава с днем рождения. Сидя у костра, спели несколько песен, пожелали хорошего и счастливого года имениннику. Как только полностью стемнело, вокруг залетали летучие мыши. Они пролетали низко над головами, иногда задевая своими крыльями чью-то голову, чьи-то уши, например, у меня. Как только костер догорел, мыши внезапно исчезли. Все разошлись по своим палаткам.

Утром засияло солнышко, и нас окружили бабочки. Ярko-оранжевые, они порхали и кружились в парах, передавая нам свое легкое и беззаботное настроение. Казалось, что вчерашние летучие мыши сегодня, с восходом солнца, превратились в эти светлые создания.

Путешествие подошло к концу. На обратном пути ехали другой дорогой, по скоростной трассе. Перед тем, как на нее выехать, друзья сделали короткую зеленую стоянку.

Для нее выбрали сенокос, окруженный могучими и очень чистыми дубами. Листок с такого дуба не помещался в обычной тетради. Это очень удивило. А желуди большие, чистые, крепкие, как бочонки с медом, умилили.

Не решусь утверждать, что такие природные чудеса сохранились до сих пор.

На обратном пути видели пожары. Горели леса. Трескалась земля. Подсолнухи, которыми богата эта земля, не поспели. Засуха. Жара. Колодцы в деревнях стояли почти пустыми. Вода в них иногда была, а иногда и нет...»

Но путешественникам хватило. Они благополучно вернулись домой с надеждой, что на следующее лето вновь отправятся изучать красивые природные места своей прекрасной и великой Родины — России.

Такая поездка кому-то помогла стать добрее, кому-то щедрее, кому-то смелее, а кому-то и терпеливее. Все, без сомнения, сдружились и наполнились впечатлениями. У Кати навсегда

запечатлелась в памяти каждая деталь, каждая особенность поездки. Ведь столько всего за каких-то несколько дней произошло!

СВИДАНИЕ С ПРИРОДОЙ

Я в томление, я в нетерпение
И в этом состоянии
С Природой на свидание
Меня, сердечную, несет.

Манит, тянет
И к себе влечет
Неприметный издали
Зеленый пригорок.

Там,
На траве, у воды,
На носочке Земли,
Слезы глотая, присела.

Мимо тотчас
Лодка прошелестела.
Я растеклась, распылилась
И одновременно явилась

Песчинкой, пушинкой,
И плеском воды,
Листом, камышом
И лаской травы.

Ветер в меня пташкой серой метнул.
И глазами ее удалось зачерпнуть.
Следом еще двух сестренек вспугнул
И в стороны разные их разметнул.

Я трепетала, силу порывов впивая,
Я разум теряла, душою взлетая.
И снова слезы текли.
И снова лодка плыла...

Не чая расстаться, со Светом прощалась,
Но веко Его закрываться сбиралось.
И я, созерцая, недвижно стояла,

Солнце пока в черноту не забралось.

КВАРТИРНЫЕ «ПЕРЕВЕРТЫШИ»

Соседи

Катя и Славик переселились к маме. «Здорово», — можно было бы подумать в первую минуту. Но часть квартиры, куда заселили маму Славы, занимала другая семья. Эта семья состояла из матери и двух взрослых сыновей. Мать звали Минор, и это имя отражалось у нее на лице на сто пятьдесят процентов. Худощавое тело Минор скорее напоминало пучок жил, свитых вместе, нежели тело женщины. Ее руки, натруженные тяжелой работой, свисали вдоль тела, источая настроение безысходности и вместе с тем злобы. Уголки ее губ свисали вниз и никогда не поднимались средней линии лица. Да, она никогда не улыбалась, и на то была причина.

Сыновья не очень ее радовали. Младший Егор не работал, а искал работу. Долго так искал, что он нашел, когда Катя и Славик в квартире прожили уже год. Так сошлось, что когда они заехали в квартиру, из мест лишения свободы вернулся старший Стас. И тоже ведь не работающий. А их кормить надо, одевать...

«...Просидевший за решеткой семь лет, он поселился с мамой и братом. Огромный детина, превышающий ростом и мощью телосложения и брата, и моего Славика, наводил ужас. Благо с ним прибыла его подруга Инга. Ее присутствие хоть как-то разбавляло это свитое из злобы и отчаяния гнездо. Они поселились в комнате, что напротив нашей. Вообще сама квартира насчитывала четыре комнаты, две маленькие, где жили мама Славы и мы с ним, и две большие, принадлежащие семье Минор.

В моей жизни наступил ад.

Мы заехали, будучи в своей крайней нужде, и являлись нежеланными жильцами. Конечно, вдруг в квартире поселились люди, почти не имеющие отношения к этой жилплощади. Наш скерб не вмещался в маленькую комнатку, и мы поставили шкафы в коридоре, заняв малозначительную часть пространства. Но и после этого по коридору можно было на трехколесном велосипеде кататься и не наткнуться на угол шкафа.

Жильцы больших комнат ворчали постоянно:

— Заехали, понаставили тут своего барахла, пройти нельзя.

Мы молчали, у нас не оказывалось слов в свою защиту.

Мама Слава постоянно находилась в своей комнате, и редко выходила, только лишь в туалет и умыться в ванну.

Слава взялся готовить маме еду, а я готовила для нас с ним. Приходилось делить готовку на две части, поскольку Антонида Павловна никак не соглашалась разделять нашу трапезу. Она давала денег на продукты, и Славик покупал ей то, что она просила для нее.

Плита в доме стояла электрическая, и мне пришлось принаравливаться к ее использованию. У меня часто пригорала еда, и выливался бульон из кастрюли. Если при этом Минор находилась на кухне, то мчалась к нам в комнату и барабанила в дверь с криком: «Пригорело!» или «Кастрюля кипит!»

Со временем она перестала бегать, а просто стучала в стену.

И не дай Бог я не вымывала плиту сразу, а оставляла на потом, она разражалась бранными криками и руганью. Даже несмотря на то, что мы сидели-ужинали, Минор без зазрения совести требовала наведения чистоты.

Но это были мелочи!

Ее сынок Стас, дорвавшись до свободы, на работу не спешил устраиваться. — А, может быть, его и не брали. — Он ушел в загул.

Каждую ночь в двенадцать часов раздавался грохот. Это сынок стучал во входную железную дверь. Минор его не пускала. Он гремел еще громче. Она ему кричала: «Зачем пришел? Иди туда, где пил!» Тем самым она его только сильнее злила. Она орал, дубасил в дверь, материл ее и весь мир.

Такая история длилась до двух ночи. На следующий день все повторялось.

Мы со Славиком не вмешивались. Что тут скажешь? Замечание? Нас вообще терпели тут из-за мамы, которая разрешила нам пожить какое-то время, пока мы не найдем подходящее жилье.

Чистота и брезгливость

Минор, несмотря на все ее недостатки, любила чистоту. Мы убрали с ней общую территорию по очереди. В уборку входило вымыть коридорные площади, туалет, ванную, а также вымыть унитаз и раковину в ванной.

Она-то мыла за своими взрослыми детьми, а мне приходилось мыть часто облеваный унитаз и постоянно оплеванную раковину за чужими людьми.

Однажды в самом начале нашего пребывания случилась история. Я вымылась в ванной, затем ушла к себе в комнату, обмотав голову полотенцем.

Пять минут спустя в ванной послышалась ругань и следом в дверь нашей комнаты — стук.

Я открыла.

— Ты, мать-перемать, почему не вымыла ванну за собой?

— Как не вымыла? Я споласкивала со щеткой и порошком.

— Иди, посмотри!

Я пошла следом за Минор.

— Я, что должна за тобой волосы убирать? — орала она не своим голосом.

В самой ванне я обнаружила волосы. Видимо, когда наклонила голову над ней, чтобы немного отжать и просушить волосы, не заметила, упавшие волоски.

Мне, привыкшей к чистой ванне и туалету, сначала приходилось поступаться своими привычками. Как сесть на унитаз после двух чужих парней? Как залезть в ванну, в которой стоят ногами люди, пьющие и просто чужие?!

Приходилось быстро соображать и придумывать, как обезопасить себя и оградить от контакта с поверхностью общего пользования. Мои чувства пребывали в состоянии высшей степени брезгливости.

И чтобы снизить степень травмирования своих чувств, принимая душ, под ноги стелила резиновый коврик. Перед тем, как сесть на унитаз, клала на него отдельную сидушку. Сидушку держала в комнате, не в туалете же ее оставлять. Конечно, все эти ухищрения были применены не сразу.

И так изо дня в день, из недели в неделю.

Поначалу боялась приходить домой без Славика. Он работал до шести часов вечера, а я — до половины четвертого. Разницу во времени проводила в колледже. И когда все учителя и студенты уходили, ставила в ряд несколько стульев в своем кабинете и ложилась на них. Иногда засыпала: сказывались бессонные ночи и стрессы.

В шесть тридцать выходила из колледжа и шла на электричку. Там мы встречались со Славиком и ехали домой. Если это можно было назвать домом...

Так прошел год.

Меня не покидала мысль обзавестись своим жильем. Но как? Средства, получаемые нами обоими, оказывались недостаточными для приобретения даже однушки.

Первоочередным делом следовало избавиться от страха, и начать приходить домой тогда, когда заканчивались уроки, ведь два раза в неделю я освобождалась в два часа дня, и ждать до вечера в кабинете представлялось весьма сомнительным занятием.

И я решила действовать. Где-то вычитала или кто-то сказал, что если кого боишься, то этого человека можно представлять маленьким, либо в виде некоего насекомого, либо другого мелкого животного. После этого требовалось довести свои представления до того, чтобы стало смешно, и при этом лучше всего нужно было рассмеяться...

Собрав свою волю в кулак, я заставила себя представлять Стаса в виде таракана. Другого насекомого подобрать для него не получилось. И каждый день после работы и обеда, лежа

на своих стульях, или во время дороги домой, мое воображение создавало картинку сначала высокого Стаса, а затем рядом с ним появлялся таракан. Картинки совмещались, и Стас становился тараканом. Так я проделывала несколько дней подряд, пока однажды, увидев таракана в своем воображении, не рассмеялась.

Смех снял внутренне напряжение, длившееся много дней, и его место заняла робкая вера в себя, и возникло ощущение, похожее на уверенность в своих силах.

На следующий раз я пошла дальше. Представив, что беру крышку от обычного дезодоранта, накрыла им таракана. И насекомое оказалось полностью в моей власти: из-под крышки вылезти не могло.

Сделаю отступление. Вера в свои силы важна в жизни любого человека. Но человек — существо Божье, и помимо практики превращения Стаса в насекомого, я отправляла свои молитвы Богу.

Как только это получилось, поехала домой сразу после уроков. Зашла в квартиру. У соседей в комнате говорил телевизор. Кто-то есть.

Первым делом заглянула к Антониде Павловне в комнату. Дверь в ее комнату держалась закрытой.

— Здравствуйте! Я — дома! Нужно чего?

Антонида Павловна удивленно смотрела на меня. Обычно мы со Савиком заглядывали к ней перед сном.

— А ты чего так рано?

— А все, уроки закончились. Решила приехать пораньше, чтобы ужин сварить.

— Хорошо.

Антонида Павловна закрыла глаза. Я вышла.

Я помыла руки, начала готовить обед. К возвращению Славика с работы еда была готова.

Пока готовила, на кухню заходил младший сын Минор. Он разогрел чайник, и, налив себе в чашку кипятка, ушел. Остальных, видимо, не было.

Собака в квартире

Вскоре у соседей произошла перестановка. Подруга Стаса покинула сей дом. А вместо нее Стас завел собаку. И не простую, а боксера. Стас переселился из комнаты напротив в комнату мамы и брата. Боксера же поселили в его комнату.

Час от часу не легче.

Дверь в эту комнату не всегда закрывалась. А вид зияющего проема, из которого в любую минуту мог выбежать пес, наводила на меня ужас. Ноги останавливались сами, и звала Славика на помощь.

— Слава, иди! Опять у них дверь открыта. Покарауль меня, если что.

Славик поступал проще. Выходил и закрывал дверь собачьей комнаты. Тогда я могла свободно проходить в туалет или на кухню.

Как-то вечером после ужина у нас остались кости из супа. Я решила не выкидывать, а бросила их в миску собаке. Думала, хозяева наорут на меня, но никакой реакции не последовало. «Наверное, боксер съел их, и они не заметили», — подумала я.

Когда в очередной раз собралась наполнить миску, как на кухне появился Стас. Я слегка затрепетала, но не ступала и спросила напрямую:

— Разрешишь, собаку покормлю? Остался суп, выливать не хочется.

— Корми. Нормально.

Так и повелось. Кости оставались или суп немного прокисал, я их — тут же собаке.

Постепенно та семья, и в большей степени сам Стас, вообще перестали кормить собаку. Деньги уходили на спиртное. Она оказалась предоставленной сама себе.

Мама Славы раз-два в неделю делала сыну заказ на продукты. Слава принесет пачку с пряниками, пачку печенья, хлеба буханку, батон и все это сложит в нижний ящик шкафа, что стоял на кухне.

Пришла я как-то с работы и... оцепенела от увиденного.

По всей кухне валялись остатки пряников, печенья, и даже муки, пакет с которой стоял там же. Мука была всюду, местами она прилипла к полу и даже к ножкам стула, на котором ела Антонида Павловна. На белой мучной поверхности отпечатались следы животного. Боксер!

Он голодный и нашел, чем поживиться.

Пришлось забыть про обед, а взяться за тряпку и ведро. С потом, перемешанным со слезами досады и отчаяния, я промывала плитку. Жаловаться соседям? Нет смысла. Рассказать Антониде Павловне? Расстроится. Быстрее бы Слава пришел.

— Знаешь, что тут было, когда я пришла домой? — спросила я своего ненаглядного, как только он появился на пороге.

— Ну что случилось опять, — проговорил он.

— Я же только вчера все купил! Теперь придется идти снова за пряниками, — удрученно констатировал Слава, выслушав мой рассказ. В его голосе послышалось отчаяние.

— Ты будешь *им* говорить? — попыталась я подтолкнуть мужчину к проявлению своего мужского начала.

— Что толку? Не поможет, — пошел на попятную Слава.

— Собака съела запас еды на неделю, а ты промолчишь?! — сделала я еще одну попытку.

— Хочешь, сама говори, а я не буду. Им хоть говори, хоть нет, разговором делу не поможешь, — был ответ.

Слава ушел в магазин. Я зашла к маме. Не смогла удержаться и рассказала, что произошло.

— Им ничего не говори, — попросила меня Антонида Павловна.

— Как не говорить? — удивилась я.

— А так, не говори и все.

Пришлось подчиниться. Я ж всего лишь считалась подругой Славика, не женой, и у меня никаких прав не только на высказывания своего недовольства, а даже на проживание здесь не было.

Приходилось мириться с таким отношением, и ...подумывать о замужестве.

Честное слово, не хотелось!

Слава не проявлял особую ласковость, напротив, грубил или старался свое бессилие перед обстоятельствами прикрыть грубостью. Как говорится, постольку поскольку.

Обстановка у соседей накалялась. Стас все больше пил, и в отсутствие своей матери стал приводить в квартиру собутыльников. Минор уезжала на работу часа в четыре и возвращалась к девяти. Она мыла полы в каком-то учреждении. И если дома отсутствовал младший, Егор, в этот период времени происходила попойка в комнате матери. Их разборки мы слушали почти каждый вечер.

Между братьями стычек или ссор не наблюдалось, но Егор все же находился на стороне матери. Он не пил, и чем мог, поддерживал ее. С нами ни он, ни Минор не общались.

Однажды, придя после работы, повернув ключ в скважине и приоткрыв дверь, чтобы зайти, я обомлела. Прямо передо мной стоял боксер. Его морда смотрела на меня, тело было готово к броску.

Я захлопнула дверь. Сердце стучало в груди.

Что же делать? Как зайти домой? Звать Антониду Павловну? Бессмысленно, она не встанет. Ждать Славика? Он только через два-три часа появится. Видимо, *этих* нет, а собака открыла свою дверь и гуляет голодная по квартире. Она же меня съест! Опять, наверное, все из шкафа вытащила.

Хотя мы перестали складывать в нижний отсек шкафа покупаемые продукты, там продолжали находиться пачки с крупами, мукой, посуда, в конце концов.

— Я не боюсь. Я не боюсь. Я — смелая, — принялась внушать себе. — Я здесь живу, плачу за квартиру, убираю за всеми их грязь.

Кстати сказать, все счета, приходящие за свет на всю квартиру, делили на две равные части! С этим я ничего поделаться не могла. Что сравнивать: или соседи гоняли программы по телевизору целыми днями, или мы, приходили домой после пяти часов. Мама телевизор включала редко. Но платили пополам!

Я набрала воздуха в легкие и взялась за ручку двери.

— Нет, не могу. Это выше моих человеческих и женских сил.

Я развернулась и пошла к лифту.

— Пойду, погуляю. Давно не гуляла.

Оказавшись на воздухе, решила пойти навстречу Славе.

Мы ходили далеко, на электричку. На ней в город можно было добраться все же быстрее и удобнее, чем на автобусе.

На автобусе, на котором поначалу я ездила, приходилось всегда стоять. Целый час, стоя на ногах, с сумкой в руках, впритирку с другими людьми, измождал и лишал меня сил. И так нервы были на пределе, а тут еще и маята в транспорте.

Узнав, что если пойти от дома вниз к реке, попадешь на станцию, то без промедления, я выбрала этот способ добираться до работы. Долго да, но зато пока идешь от станции до дома, прогуливаешься, дышишь.

Славу увидела издали, и, дождавшись его на перроне, поведала о новом происшествии.

— Не бойся собаки, она не укусит, — попробовал успокоить меня Слава.

— С чего ты это взял? Еще как укусит, она же вон какая мощная! И тем более голодная. Набросится на меня и все.

Спорить со мной у Славы не было желания, и он промолчал.

— Скажи им, чтобы закрывали дверь поплотнее, — попросила я, имея в виду дверь в комнату собаки.

— Ладно, скажу.

В квартире, когда мы зашли, горел свет и слышался звук телевизор. Спасать меня от собаки Славе не пришлось, и мы благополучно провели вечер.

Через некоторое время, находясь в своей комнате, уже лежа в кровати, мы услышали странные звуки, похожие на тонкий гул.

— Это еще что? — спросила я.

Слава прислушался.

— Сейчас узнаем, — откликнулся Слава.

Он встал с кровати и приоткрыл дверь.

— Похоже на вой, — сказал он.

— Собака! — осенила меня. — Она голодная. Ее еще и не выгуливают. Она страдает.

— Что ж делать-то будем? Им *там* не слышно, а нам тут слушать это? — начала я.

— Не накручивай. Спи давай.

Хотя, что накручивать, если это было сущей правдой.

— Как спать? Вой стоит в ушах.

— Как-нибудь да спи.

Слава повернулся на другой бок и уснул. Ничего не оставалось, как последовать его примеру. Усталость дня сказывалась, и сон незаметно затянул в свой ускользающий от сознания мир.

Если бы не собачья еда

В тот день я, как обычно, пришла домой раньше Славы. Стояла дождливая осень, слякоть облипала сапоги, а на работу хотелось бы пойти в чистой обуви. Я, как бывало и в предыдущие дни, налила в ведро воды и расположилась в коридоре рядом со своей комнатой.

Минор, как и всегда в этот час, находилась на работе, и сыновья ее сидели дома.

Сажу на корточках на полу, намываю сапог. Послышались шаги из комнаты соседей. Егор прошел мимо в ванну, вдруг разворачивается и набрасывается на меня с криком:

— Я щас тебя прикончу, я тебе голову оторву!

Он подошел ко мне, затряс кулаками.

— Что случилось? — оторопела я, откладывая сапог, который мыла, в сторону.

— Ты еще спрашиваешь? — орал он не своим голосом.

Его крик шел в мою сторону, и я почувствовала запах алкоголя. Похоже, он был пьян! У меня внутри похолодело.

— А ну, встань, говорю! — его бессвязная речь гремела на весь коридор.

В этот момент из комнаты напротив вышел старший.

— Ты чего к ней пристал? Угомонись, — вдруг сказал он брату.

Егора это только подстегнуло. Он сделал пару неверных шагов, чтобы развернуться к Стасу.

— Будет она еще тут матери грубить! — кричал он. — Кто она такая?

А! Вот в чем дело, — осенило меня.

На днях Минор опять мне что-то выговаривала, а я ей ответила, что грязь не моя и предложила самим убрать.

Я повторила это Егору.

— Ты кто такая?! — Егор пошел в наступление. — Ты тут пустое место! Ты тут только потому, что тебя Антонида Павловна пустила. Мать тебе сказала, а ты грубишь! — орал свое младший.

— Я тебе сказал: «Угомонись!» — продолжил попытку остановить брата Стас и дернул его за руку.

Егор выдернул руку и набросился на брата.

— Тебе че надо? Ты зачем ее защищаешь? — по-моему, Егор опешил сильнее, чем я.

Стас дал ему сдачи.

— Сказал, чтоб ты ее не трогал, значит, не трогай!

Я попятилась в свою комнату. Я понимала одно: старший защитил меня от пьяного Егора. А сам был трезв. Это что-то новенькое!

А, действительно, почему он меня защитил? М-да... Может быть, от того, что я кормлю его собаку?... Другого варианта ответа не находилось.

Когда за дверьми все стихло, и все разошлись по своим комнатам, то я потихоньку проскользнула в комнату Антонида Павловны.

— Вы слышали, что сейчас было? — поинтересовалась я.

— Кто-то кричал, — слабо ответила старушка. — Что там произошло?

Вкратце описала ситуацию.

— Я думала, он меня сейчас приберёт, — заключила я. — У меня все еще поджилки трясутся. И почему он оказался пьяным? Он ведь не пил раньше.

— Устроился на работу.

— И куда это? — спросила я насмешливо, зная, что дети Минор не работают.

— На конвейер на заводе алкогольной продукции, мне Минор рассказала.

— !?

— Там хорошо платят.

— Вот и ответ: работник уже пьян. Ладно, я пойду. Скоро Слава придет.

Встав с кресла, я направилась к двери.

— Катя! — окликнула меня старушка.

— Да?

— Ты не рассказывай про это Славе, — попросила она слабым голосом.

— Про крики?

— Да.

— Это почему? — удивилась я просьбе.

— Он и так устает на работе, а тут еще проблемы. Пожалей его.

Промолчав, вышла за дверь. Меня чуть не убили, а я — молчи? Славе рассказала в подробностях все после ужина.

— Надо уезжать отсюда побыстрее, — заключила я свой рассказ.

Слава не откликнулся.

— Сколько еще мы здесь собираемся жить? — задала я риторический вопрос.

Слава вышел из комнаты.

— Ты куда?

— К маме, проведать.

— Не говори ей, что я тебе рассказала про Егора.

Дверь закрылась. Я разрыдалась. Что делать?

Видимо, для начала надо пожениться. Сегодня Стас был дома, а завтра может и не быть...

Спасение Славы

Этот дом еще продолжал заселяться жильцами, которых переселяли из аварийного жилья в районе.

До этого над нами было тихо. Но с некоторых пор начались крики.

Спасть стало вообще невозможно. Даже после двух часов. После двух над нами только начиналась попойка. Пьяные люди вверху сходились, долбили в пол, то ли падали сами, то ли что. Смех, перерастающий в хохот, ругательства, выкрики, звон стаканов перешли в постоянный режим.

Мы пробовали стучать по батарее. В ответ нам тоже стучали. Вообще между трубой, идущей вверх, и потолком, виднелся зазор. До нас доносились не только шум, но и курево, — они там еще и курить стали.

— Похоже, что над нашей комнатой собираются, кому не лень и устраивают пьянку. Там одни пьянчуги живут, — сказал Слава.

— Ну мы попали, — протянула я. — Пьянь кругом. Как жить?

Мы помолчали.

— Пусть собираются в другой комнате, а не над нашей, — высказала я глубокую мысль.

— Как их заставишь?

— Ты — мужик, ты и думай.

Слава решил сходить к соседям наверху. Выбрали выходной, когда наверху особенно шумно стало.

— Я пойду наверх. Если через тридцать минут не приду, вызывай милицию.

Слава надел черную водолазку, сверху накинуд безрукавку, взял пустую бутылку из-под водки, которую накануне принес откуда-то с улицы, обернул ее мешком и ушел. Я была как на иголках.

Слава — не какой-нибудь боец уличный, а простой работяга. Что он там он сделает? К тому же, один.

Вверху загрохотало, слышалась ругань, потом все резко стихло.

Вдруг поднялся такой гам, что можно было подумать, что там началась драка. Я не выдержала, помчалась на верхний этаж.

Что могла, изо всех своих сил стала барабанить в железную дверь с криком:

— Открывайте! Открывайте!

Мне никто не открывал. Я уже подумала, что Славу прибили. Такая орава пьяных людей способна сделать, что угодно.

Я бросилась к щитку со светом. Он располагался справа от квартиры на стене. Благо его никто не закрыл на замок. Я вырубала рычажок за рычажком.

Вдруг дверь приоткрылась. Лицо женщины смотрело на меня из темноты. Я резко толкнула дверь внутрь и заорала, что было мочи.

— Сла-ва-а! Сла-ва-а!

Никто не откликнулся. Я просто завопила:

— Где мой муж? Если через минуту его не будет, вызываю милицию!

Кто-то подошел к женщине.

— Где мой муж?!

— Сшас.

Через минуту появился Слава. Растрепанный, уже без мешка и бутылки, он выскочил из чужой квартиры, как пробка из бутылки.

— Пойдем, — только и сказал он, зашагав прочь.

— Что случилось? Что ты там сделал? — не терпелось мне узнать.

— Дома.

Через две минуты мы оказались в своей комнате.

— Ну, говори! — тормошила я своего друга.

— Я постучал. Тогда я толкнул дверь, она отрылась. Свет не горел. Я напропалую побежал внутрь квартиры с криком: «Милиция!»

Я размахивал мешком с бутылкой и орал: «Всех положу!»

Они подумали, что я — милиционер, поэтому сначала все легли, а потом кто-то включил свет, и все увидели, кто я. Они меня повалили на пол, прижали.

Потом ты стала стучать в дверь. Свет погас. Я вырвался. Схватил табурет и держал его перед собой. Тогда и успел им сказать, что мы живем над ними, и нам слушать их пьяные оргии не хочется.

— Так ты бы нормально пришел, попросил, — сказал какой-то мужик.

— Вы же не поймете, если нормально к вам прийти, — ответил Слава.

С тех пор попойки над нами все же прекратились. Антонида Павловне рассказывать ничего не стали, а то мало ли что.

Женитьба

Поженились они чрезвычайно просто. Вернувшись из загородного отдыха, записались на регистрацию в районном ЗАГСе. Пришли в нужный день без приглашенных свидетелей и гостей. Не до того было, не в том настроение находились.

«...Наша регистрация напоминала скорее сделку, нежели любовный союз, сделку, **необходимую мне для выживания.**

Бракосочетание было мрачным и одиноким. Никто не пришел к нам на регистрацию.

Никто.

Мы никого и не звали.

Никого.

Что поделать, как уж решили, так и поступили. В душе было так одиноко, что хотелось выть. Я стала женой, а ощущала, что приняла на себя какой-то крест против воли своей. Душа плакала, когда меня записали женой. Зачем я это сделала? Я же так хотела замуж. Очень хотела замуж, мне уж тридцать три года исполнилось к тому времени.

Мама не поддерживала меня, но я сама хотела распоряжаться моей жизнью и не слушала ее. Кроме того, она всегда была против всего, что я делала. Всегда. И поэтому в случае решения своей судьбы я не доверила ей быть мне советницей.

И честно говоря, живя в стесненных условиях, думали только о том, чтобы покинуть стены своего жилища, сменив их на более дружелюбные.

Даже не представляла себе, что мне даст штамп в паспорте немного позже.

Брат

Все чаще заводила разговор о переезде куда-нибудь, только бы съехать отсюда.

— Я говорил с мамой. Ну, посуди сама. У нее две комнаты. Сколько она еще проживет? Одна комната — мне, другая — моему брату.

— Ты собираешься ждать, пока ты вступишь в наследство?!

— Если мы съедем, то комнату можем потерять. Мама может отписать ее моему брату.

— Вряд ли Антонида Павловна так сделает. Ты же — тоже ее сын, и даже если съедем отсюда, то все ее имущество поделится ровно пополам.

— Он для нее любимый сын, и всегда им был. Это мы думаем, как она должна поступить. А за другого человека решать, — себя не уважать.

Пока мы вели такие разговоры, произошло из ряда вон событие.

Однажды в квартиру я зашла и услышала на кухне голоса. Вмиг поняла, что это брат и жена моего Славы.

Мне бы умно поступить, и обратно за порог ступить. Но прошла я как хозяйка, и наткнулась на нападки. Что ж другого можно было ожидать? Семья Славы меня не приняла с самого начала, все осуждали и корили нас, что мы с ним этакие-разэтакие. Он от жены к молодой женщине ушел, а я от жены мужа увела.

Сильной, смелой и, главное, с достоинством хотела показаться я семье Славы. Я ж не просто так с ним жила, а на правах законной жены.

Но не тут-то было...

Заглянув на кухню и поздоровавшись, я ушла к себе. Голоса на некоторое время стихли, но через пять минут в дверь комнаты с силой постучали.

Вышла я. Передо мной стола баба-бабариха, похожая видом на купчиху. Толстая, неповоротливая, но громогласная до жути.

— Эй, ты! Слушай сюда! — заорала она при виде меня, поставив руки в боки и выставив одну ногу на носок. — Даю тебе два дня, и чтоб духу твоего здесь не было! — приказала она мне свирепым голосом, словно она в мановение ока из человека в быка превратилась.

— С чего бы это? — попробовала я заступиться за себя.

Она схватила меня за руку и больно сжала. Я попыталась вырвать

— А с того!

Дальше пошли матершинные слова.

— Даю тебе два дня! — сказала она с остановкой после каждого слова. — Поняла, я спрашиваю?! — орала она.

— Слава придет, ему и скажете! — сдаваться не хотелось.

— Мы ему скажем, что надо, тебя не спросим. Поняла?

— Поняла, — пришлось сказать. Но в уме добавила: «Мы еще посмотрим, кто кого».

Она отпустила руку. На белой тонкой коже отпечатались синие следы от толстых пальцев. Я убежала в комнату и заплакала от боли и обиды.

На этом история не закончилась. Через полчаса она прибежала второй раз и заорала пуще прежнего.

— Ты что за матерью не смотришь?! — тряся передо мной нижнее белье Антониды Павловны. — Живешь у нее, проживаешься, а за ней не следишь!

— Что вы от меня хотите? Я стираю все, что мне дает Антонида Павловна. Пойдемте к ней и спросим.

Я побежала на кухню, где сидела старушка вместе с сыном.

— Скажите, что я стираю вам все, что вы мне даете!

Антонида Павловна сидела молча и улыбалась. Я не верила своим глазам.

Как так?! Она сама не дает стирать ее нижнее белье, хотя всегда прошу его мне дать.

— Я сама выстираю, не надо, — так звучал ее ответ.

Трусы и подштанники старушка собирала в пакет, и когда он наполнялся, шла стирать на кухню по-своему.

Складывала все грязное в большую кастрюлю, насыпала отбеливатель и кипятила. После этого полоскала в ванной и сушила. А сейчас она даже подтвердить этого не хотела.

Внутри меня поднялась волна возмущения. Я, значит, ее мою, шоркаю, голову скоблю ногтями, как она хочет, а она даже заступиться за меня не может. Это выходило за всякие границы!

Наконец-то пришел Слава с работы. Увидел меня зареванную на кровати.

— Мне сказали, чтобы я в два дня убралась отсюда, — объяснила я свой вид и показала следы на руке, которые все еще не исчезли от особого обращения со мной его родственницы.

Слава бросился вон из комнаты. За стеной на кухне послышались крики.

— Ты мне не брат после этого! — крик раздался уже из коридора. Кричал Слава.

Он ворвался внутрь.

— Я им все высказал. Какое они право имеют?! — вопрошал он вслух. — Повели себя как нелюди.

— Не знаю. Не хотят расставаться с комнатой, наверное.

— Знаешь, что он мне предложил? — имея в виду брата, задыхаясь от возмущения, спросил Слава.

— Говори.

— Он хочет переписать обе комнаты на себя, а мне *разрешает* жить в одной комнате, сколько захочется, хоть всю жизнь.

— Ого! Аппетиты не маленькие.

— А у них-то там, на северах, (поясню, брат с женой жили на севере страны) свой дом огромный, огород, хозяйственный двор, скотина, курицы. Еще хотят и меня оставить без наследства. Боятся, что ты присвоишь!

Я охнула. Вот те на!

— То есть, по их мнению, ты должен жить тут всю свою жизнь? Ютиться в этой комнатухе... Да ладно бы в комнатухе, тебе же придется смотреть на пьяные рожи соседей.

— Ничего, Бог все видит, кто кого обидит.

— Да, уповать можем только на Бога, — подтвердила я тихо.

Когда родственники уехали, Слава поговорил с мамой.

А что мама, она была счастлива видеть любимого сына. Ей наши проблемы казались пустяковыми.

— Зачем вы свое белье снохе показали? — не удержалась и спросила я.

— Она сама его нашла. Кулек лежал за диваном. Она начала отодвигать диван (не понятно зачем!?) и увидела кулек.

— Ясно.

Брат с женой поселились на некоторое время у брата жены, который жил в пригороде.

Паспорт

Через пару дней, зайдя вновь к Антониде Павловне, мы заметили паспорт, лежащий на приступке стенного гарнитура.

Мы со Славой переглянулись. Странно! Для чего понадобилось маме доставать из шкафа паспорт?..

Я осторожно спросила о нем.

Антонида Павловна замешкалась, видимо, не зная, что сказать.

— Надо убрать, — только и всего, что мы услышали.

Я встала и убрала его на стеклянную полочку в серванте мебельного гарнитура, куда показала мама.

— Мама, ты все-таки скажи, почему паспорт тут оказался? — вдруг проявил свою настойчивость Слава.

— Меня возили в баню, — начала мама.

Мы обмерли. Так, так, так... Что дальше?

Мама замолчала, и, казалось, больше не произнесет ни слова.

— Ладно, я пойду, мне готовиться к работе надо, — сказала я.

Слава кивнул и остался сидеть.

Когда он пришел, у него были расширены глаза.

— Короче, — начал он сходу в своей обычной манере. — Они возили ее к нотариусу.

— Так в баню или к нотариусу?

— Они повезли ее в баню к Игорю (так звали брата жены), вымыли, чаем напоили, а потом повезли куда-то в город. Они попросили у нее паспорт, и она из машины даже не вылезла. Что-то они замыслили.

Буквально через дня три Минор приносит нам письмо, — достала из почтового ящика. Мы-то не смотрим почту, потому что не ждем никаких писем, да и ключей от ящика нам никто не давал. Письмо пришло из регистрационной палаты.

В полном недоумении я вскрыла конверт.

«Ваша недвижимость за номером таким-то подлежит регистрации на имя Александра отчество фамилия».

Вот это номер!

— Слава! Они брали паспорт, чтобы оформить комнаты на твоего братца.

— Где это написано?

Слава взял у меня листок из рук, надел очки, прочитал.

— Но мама же говорит, что не выходила из машины. Как же они подписали бумаги без нее? — высказала я свое недоумение.

— А что тут думать, у Игоря есть знакомые юристы, он же депутат в своем округе, его все знают. Использовал свое служебное положение.

— Значит, мы с тобой остались вообще без жилья?!

Слава снова почитал листок.

— У нас есть три дня. Надо ехать в регпалату, — мотивировала я своего мужа.

— Поехали!

На следующий день, отпросившись пораньше на работе, мы со Славой ринулись узнавать, что произошло, и что нам теперь делать.

В регпалате нам сказали, что для остановки регистрации недвижимости на другое лицо необходимо присутствие самого владельца, а также написать заявление о неправомерном действии в отношении собственника.

— А если собственник — пожилая женщина, и у нее плохо двигается рука? — полюбопытствовала я.

— То тогда вы можете составить доверенность у нотариуса. Вы собираетесь в дальнейшем что-то еще делать с этой недвижимостью? — проявила догадливость служащая.

— Хотелось бы ее продать или обменять, чтобы купить отдельную квартиру. Сейчас Антонида Павловна проживает в одной квартире с другой семьей, — пояснила я. — Не очень благонадежной, — добавила на всякий случай для убедительности.

— Тем более, вам придется оформлять много бумаг и ездить в регпалату. Собственник справится?

— Она больной человек, ей тяжело двигаться, — уклонилась я от прямого ответа.

Служащая пояснила, где найти нотариуса.

— Хорошо, спасибо. До свидания.

Мы вернулись домой, и, не сговариваясь, с порога завернули к маме в комнату.

— Ты что-нибудь подписывала? — потребовал Слава без предисловия. — Говори!

Мама расплакалась.

— Я не подписывала, но они сказали, что паспорт нужен для оформления каких-то бумаг.

— Мама, мы остались без жилья, ты это понимаешь? — стал давить Слава. — Кстати, ты тоже.

— А я почему?

— Обе комнаты станут собственностью твоего старшего сына.

Мама моргала глазами, ничего не понимая.

— Не верю, вы врете.

Так мы и ушли, оставив ее.

Нам необходимо было ее согласие на остановку движения дела, надо было, чтобы она сама решила остановить передачу права. Но она не верила тому, что произошло!

Три дня, вернее, вечера подряд мы поясняли ей от начала до конца цепочку событий.

Она твердила свое:

— Вы врете. Сын не мог так поступить.

В субботу утром я призвала на помощь всю свою дипломатию, все свое терпение и снова сделала попытку объяснить ей случившееся.

— Антонида Павловна, вы поймите, ладно Слава остался без жилья, так вы же сами остались без жилья. В любой момент Минор может попросить вас выселиться. Обе комнаты по документам будут принадлежать вашему сыну. А если с ним что-то случится, то владельцем станет его жена.

Антонида Павловна почмокала губами и вдруг произнесла:

— Поедем к нотариусу.

Я помогла ей одеться. Оделась сама. Слава тоже быстро собрался. Мы вывели ее, подерживая под руки с двух сторон. Она едва держалась на ногах.

Мы вызвали такси и за десять минут домчались до улицы Смородиновая. Дом, в котором находился офис юриста, находился рядом с домом быта. Мы быстро поднялись на крыльцо и прошли к офису.

У нотариуса еще сидели люди, но они вскоре вышли. Поглядев на вывеску, стало очевидным, что в нашем распоряжении ровно полчаса. В час дня нотариус прекращала работу.

Зайдя внутрь, сидевшая там женщина строго вида попросила паспорта, мой, Славы и Антонида Павловны. Слава сунулся в пакет, который взял с собой, мой паспорт достал, свой нашел, а вот паспорта мамы там не оказалось. Его также не оказалось и в карманах Славы, и в вещах мамы.

— Так, расскажите, какое у вас дело.

Слава кратко пересказал.

Нотариус взяла у меня паспорт, внимательно просмотрела нужные страницы.

— Вы кем приходитесь этой женщине? — решила она удостовериться, спросив устно.

— Снохой, а Вячеславу Анатольевичу женой.

— Женой, — повторила нотариус, снова листая паспорт. — Хорошо. Но без паспорта мамы вас не приму, — констатировала юрист. — И учтите, в час я ухожу, задерживаться не стану.

— Мы живем недалеко, скоро вернемся.

— Хорошо, я пока займусь составлением бумаги.

Мы вышли снова в коридор.

— Надо быстрее вызывать такси!

Слава умчался, а мы с мамой остались дожидаться его в коридоре. Я откровенно нервничала. Время работало против нас.

Через пятнадцать минут он вернулся. Нотариус смотрела на нас с сомнением. Рабочий день был на исходе, а мы заводим к ней старую женщину, у которой трясется рука.

Мама почти не владела своей *правой* рукой, у нее тряслась не только рука, но и голова. Болезнь Альцгеймера прогрессировала.

Нотариус прочла вслух бумагу, которую уже успела написать.

— Все верно? — обратилась она к Антониде Павловне. — Вы действительно хотите, чтобы ваши интересы представляла эта женщина? — она указала на меня.

— Да, все верно.

— Тогда вам нужно написать свою фамилию имя отчество и поставить свою подпись.

Нотариус показала, где это сделать.

Мама так разволновалась, что ее рука вообще ее не слушалась. Она прыгала и не могла выводить буквы на бумаге.

Мы смотрели на ее потуги совладать с собой, но ничем не могли помочь.

— Может быть, мне поддерживать ее за запястье? — осторожно предложила я.

— Вы что?! Собственник сам должен подписать доверенность, — возмутилась нотариус.

У мамы ничего не получалось. Тогда вдруг нотариус взяла стакан, налила в него воды и накапала туда валерьянки. Через пять минут после того, как Антониде Павловне выпила содержимое, ее рука немного успокоилась, и документ был подписан.

Мы расплатились с доброй женщиной и снова вызвали машину, чтобы поехать в регпалату. В субботу она тоже работала неполный день.

Мама уже очень устала, и мы с трудом смогли подняться с ней на второй этаж старого здания. Наличие лифта не подразумевалось.

Объяснив нашу проблему и показав доверенность, мне разрешили написать заявление об остановке передачи собственности. Маме следовало лишь расписаться в журнале, что она согласна с заявлением.

Увидев немоощь заявителя, работница вышла из-за высокой стойки с журналом в руках. Антониде Павловне предложили сесть за низкий стол и поставить свою подпись за сданные документы.

Выпитые капли валерьянки еще действовали, и хотя и с трудом, но маме удалось заполнить требуемое поле.

— Вы успели вовремя, потому что в понедельник мы бы уже не приняли ваше заявление. Ваши комнаты были бы переписаны на вашего сына, — сказала сотрудница палаты.

Мы молча посмотрели на нее, друг на друга, на маму.

— Спасибо, — едва промямлили мы.

Мы так уже устали от пережитого напряжения, что не хватало сил проявлять сильные эмоции. Главное, мы успели!!

— Чему ты так радуешься? Мы же успели только остановить дело, — спросил Слава мне, когда мы сели в очередной раз за день в такси.

Мама сидела впереди и не могла слышать наш разговор.

— Зато теперь мама будет доверять нам, — ответила я.

Разрешение

Поскольку передача права собственности прекратилась, то следовало действовать без промедлений, тем более здоровье Антонида Павловне стало на глазах ухудшаться. Предстоял серьезный разговор с ней, мы медлили, и вдруг представился случай.

В один из вечеров уже после того, как мы съездили в регпалату, Антонида Павловна позвала Славу и меня к себе. Голос ее казался встревоженным. Мы зашли.

— Кто-то открывал мой шкаф, — сообщила старушка тихо.

— Надеюсь, ты не думаешь, что это мы? — напряженным тоном спросил Слава. — Мы же недавно пришли с работы.

— Тише! Я не говорю, что вы, — продолжила мама. — Я рассказываю, выслушай сначала, — строго сказала старушка.

— Рассказывай, — смягчился Слава.

— Обычно, дверца шкафа закрыта на ключ. Там у меня сумка с деньгами. А тут я подхожу к шкафу, а дверца сама открылась.

— Деньги пропали? — с опаской спросила я.

— Да, пара сотен исчезла.

— Ты думаешь, это старший? — проникся сочувствием к рассказчице Слава.

— Кто же еще?!

— А ключ у тебя где был? — начал расспрашивать Слава.

— В замочной скважине, где же ему быть? — немного обиженно на глупый вопрос ответила мама.

— Надо убирать его теперь.

— Понятно.

— А когда он успел к тебе зайти? Ты же из комнаты не выходишь.

— Наверное, выследил, когда я в туалет уходила.

Все помолчали.

— Интересно, а как он узнал, что деньги именно там? — подключилась я к разговору.

Мама призналась, что каждый месяц она дает деньги Минор, чтобы та была с ней более обходительной, помогала при необходимости, когда мы уезжали к моим родителям в деревню.

— Вы же уезжаете на целые выходные, а она присматривает за мной в это время.

Мне даже в голову не приходила такая мысль!

Видимо, находясь под впечатлением от пережитого, она открыла нам, что ее старший сын, брат Славы, платил Минор за то, чтобы она докладывала ему обо всем, что мы делаем в квартире, как относимся к ней и прочее.

Неплохо женщина устроилась! От такой кормушки, наверное, трудно будет отказаться, и поэтому нам потребуется строжайшая конспирация. Интересно, как это сделать, если соседи почти всегда дома? Не хотелось бы, чтобы брат Славы и его благоверная появились здесь вновь.

— Антонида Павловна, давайте мы купим взамен обеих комнат квартиру.

— И на кого она будет написана? — спросила старушка.

— На вас, конечно. Мы все переедем в квартиру...

Я не успела закончить предложение, как мама прервала меня.

— Так на две комнаты сможем купить только однокомнатную квартиру.

— И даже не хватит, будем брать ипотеку. Квартиры дорогие.

Мы помолчали.

— Вы не переживайте, вас мы поселим в комнату, а сами будем жить на кухне. Особо мешать друг другу не будем.

— Тогда квартиру покупайте в Дзержинском районе, в другом не надо.

Она назвала район, где прожила много лет в бараке и откуда ее переселили сюда по программе аварийного жилья.

Если говорить честно, то людей не переселили, а согнали как скот в высотный дом, в огромные квартиры, где поселили по несколько семей. Какая разница, кто с кем будет жить? Старуха ли с бандитами, пьющие неработы с добропорядочными гражданами... Людей за людей не считали.

— Она согласилась на продажу комнат! — почти закричала я Славе, влетев в нашу комнату и едва прикрыв за собой дверь.

— Уф! — выдохнул Слава. — Надо думать, как продать эти комнаты...

Мы тут же разработали план действий. Пугало несколько вещей: если продастся одна комната, а другая нет, то куда съезжать из комнаты? Кто будет покупать комнаты с такими соседями, как наши? Как сделать так, чтобы Минор не узнала о нашем решении?

Обратившись к специалистам, мы получили пространные разъяснения, что делается в таких случаях. Вкратце сообщу, что мне рассказали. Если одна комната продается, то при продаже оговаривается условие, что заезд в нее покупатели смогут осуществить после того, как продастся вторая комната. По второму пункту агент по недвижимости заявила твердо и уверенно:

— Вы думаете, такие другие, как ваши соседи, не найдутся? Таких полно, поверьте мне.

Наши опасения улетучились, и мы приступили к великому в нашей со Славой жизни процессу: продаже двух комнат в квартире, где жили два пьющих взрослых парня, один из которых вернулся с зоны, а их мать служила верной доносицей брату Славы о всех наших передвижениях.

Потоп

Настроение у нас поднялось. Стало легче дышать, грудная клетка сама поднималась выше, и воздух наполнял ее. Впереди замаячил просвет. Чтобы очутиться в своем отдельном жилье, требовался прыжок. Прыжок из того места, где мы жили. Следовало разогнаться посильнее, чтобы прыгнуть дальше.

(Говоря о том, что тебе не нравится, и даже если очень не нравится, лучше не применять никаких эпитетов, а, напротив, лишиться всяких эпитетов, поэтому квартиру, где мы жили, назовем «местом для жилья»).

Мы со Славой обращались вверх со своими мольбами. Для нас эта продажа-покупка казалась сродни прыжку человека на веревке с одного конца пропасти на другой. Сорвется или нет? Выживет или нет?

Маме становилось хуже. Она все реже выходила из комнаты.

— Господи! Нет желания больше жить. Кругом воры и сплошной обман. Господи, забери меня отсюда! — услышал Слава однажды, проходя мимо маминой комнаты.

И нам нужно было поспешать. Если она умрет раньше того, как мы продадим обе комнаты, то нам предстоит вновь встретиться лицом к лицу с родственниками Славы. Придется тягаться с ними за наследство.

Что осуществлять в первую очередь? Продажу или поиск нового жилья?

Риэлтор сказала, что одновременно. Нам ничего не оставалось, как довериться ей и ... уповать на милость Бога.

Что случилось потом, выходит за все рамки моего представления о жизни и даже о том, «как бывает».

Вдруг посреди ночи сквозь глубокий сон до меня донесся стук в комнату и крики.

— У нас потоп! Выходите быстрее!

Я растолкала Славу. Он тоже не мог сообразить, что происходит.

Соскочив с постели, натянув на себя, что попало под руку, я открыла дверь комнаты. Слава еще сидел на кровати, пытаясь прийти в себя.

Минор пробежала мимо из ванны с тазиком в руках. На ходу она крикнула:

— Нас топят верхние. Там прорвало батарею.

Глаза постепенно привыкли к свету, и я, включила свет в комнате. От того, что престало моим глазам, я пришла в ужас.

С потолка по стенам лилась вода. Потоком, горячая!

— Мы только что решили продавать комнаты! Какая сейчас продажа! — истерично крикнула я Славе.

Он не стал тратить время на ответ, нужно было спасать вещи и вообще квартиру.

Слава поднимал с пола сумки, стул, коробки с посудой. Я выскочила в коридор. Реветь и рвать волосы на голове, действительно, было некогда. Там вода поднялась по щиколотку. Я схватила таз, ведро, совок и принялась за работу. В другом углу, у своей комнаты черпала воду Минор.

Это какое-то светопреставление!

— Там у них что случилось? — кричала я соседке сквозь шум льющейся воды и бряканья совков по ведрам.

— А кто их знает!

— Вода только в коридоре? — продолжала я расспрашивать.

— Не-ет! У нас в комнате тоже есть. Там парни работают, — откликнулась Минор.

— Не может быть!! Это невозможно!

Собрав воду в коридоре, я открыла дверь в комнату мамы, там горел свет. Она тоже проснулась: Минор успела ее тоже оповестить.

— А-а-а! — поневоле закричала я. — Слава! Скорее сюда!

Слава появился в следующую минуту. У него на лоб полезли глаза.

В комнате пол покрывал толстый ковер. Это был шерстяной ковер советских времен. И он плавал! Под ним находилась вода!

Вдруг из розетки напротив дивана хлынул фонтан.

— Надо срочно выключить свет! И отключить весь свет в квартире!

Слава щелкнул выключателем и выбежал, чтобы вырубить рубильник в общем коридоре. Если замкнет, то за ремонт проводки кто будет платить?!

Я нашла какие-то свечи у себя в шкафу и вернулась, чтобы продолжить убирать воду. Через некоторое время свет снова включили. Вероятно, воду наконец-то перекрыли.

Мы убрали воду часа полтора, не разгибаясь и не прекращая процесс ни на минуту. Все вернулись в свои комнаты. До будильника удалось немного подремать.

Встала с больной головой. Спать хотелось невероятно, но больше всего занимали мысли о последствиях потопа для наших комнат. В сумраке рассвета рассматривать стены не стали, чтобы не расстраиваться перед рабочим днем, да и на электричку надо было бежать. Чай попьем на работе, каждый на своей.

Вечером того же дня Минор рассказала, что случилось. Над нами в комнате прорвало батарею. А жильцы уехали куда-то. Чтобы попасть в закрытую на замок комнату, живущим по соседству пришлось вскрывать замок и ломать дверь. Пока нашли инструмент, пока вскрыли... Кто-то вызвал аварийную службу.

— Батареи вроде бы новые. Не должны прорывать, — выдвинула я предположение.

— Они мерзли, и поэтому сменили радиатор, поставили новый. А он не выдержал напора воды.

— Понятно.

Хорошо, что вода лилась чистая.

Вернувшись после работы, я с опаской открыла дверь. Настроившись лицезреть разводы на обоях, отпавшие куски и, морально подготовившись к последующему ремонту, осмотрела комнату.

— Ничего не понимаю!

Никаких следов ночного происшествия не наблюдалось. Обои, как литые, даже не вспучились, не пузырились. Как так?

У меня отлегло от сердца. «Надо к маме сходить», — подумала я.

В ее комнате также почти ничего не изменилось. Только в одном углу у двери обои отошли от стены. Но это были мелочи.

— Розетки работают? — решила спросить я маму.

— Не проверяла, — ответила та.

— Ладно, сейчас, что-нибудь воткну.

Я принесла переносную настольную лампу. Включила. Все было нормально!

Не знаю, что это было, наверное, обряд очищения от грязных энергий. Комнаты словно омыл горячий душ, чтобы можно было начать их продажу.

Переезд

Мы начали продажу с нашей комнаты. Появились первые покупатели. Минор и ее сыновья на тот момент отсутствовали. Пришли, глянули, ушли. Вторые покупатели также уловили правильный момент. Они уже надевали обувь, когда вернулись соседи.

— До свидания! — попрощались мы с покупателями.

— До свидания! Созвонимся, если что.

Что делали эти люди у нас, предоставим Минор строить догадки. Маме тоже мы воздерживались рассказывать о визитах посторонних.

Все шито-крыто.

Не поверите, но эти люди купили у нас комнату. И не просто купили, а готовы были подождать, пока мы не продадим вторую комнату и не съедем с квартиры. Срок оговорили формально.

— Невероятно! Боже, спасибо! Это смог сделать только Ты! — восхищалась и благодарила я Всевышнего.

Приступили к продаже второй комнаты.

Через несколько дней Слава увидел объявление на столбе «Купим комнату». Позвонил, покупатели пришли, обговорили сделку.

Маму приходилось кормить уже с ложечки. Сама она не вставала. Я носилась в регпалату и обратно.

И тут возникла заковыка: чтобы иметь право продавать комнаты, нужно было получить согласие всех жильцов! Что означало официально оповестить соседей о продаже и дожидаться их ответа.

— Но они тогда узнают, что мы продаем комнаты! — воскликнула я.

— По-другому нельзя, — ответила риэлтор. — Без их согласия документы на регистрацию не примут.

— А если они не ответят, то сколько времени ждать?

— На это дается обычно месяц. Вы посылаете на их адрес телеграмму и ожидаете ответ. Если в течение месяца ответ не приходит, то можно подавать документы на оформление.

— Это долго, — мрачно сказала я.

— Пока займемся поиском квартиры для приобретения, — подбодрила меня риэлтор.

Пришлось написать телеграмму Минор. Мои чувства находились в смятении.

— Слава, твои же узнают, — со щемящим сердцем задала вопрос мужу.

— Они так и так узнают, — констатировал он с нотками обреченности и одновременно готовностью сражаться за свои права.

Вскоре телеграммы были отправлены, оставалось ждать реакции Минор. Я представляла, что она, как минимум, скажет какую-нибудь нелюбезность, ведь потеря чаевых в размере двух-трех тысяч рублей от Антонида Павловны — весьма неприятная неожиданность и вместе с тем посыплются звонки от родственников Славы.

Тут я ошиблась. Эта женщина не подала никакого вида, что получила телеграмму. Ответа не последовало, возможно, она и сама испытала удовлетворение от новости, и ровно через месяц после отправки сообщений мы были готовы произвести три сделки одновременно, включая приобретение жилья.

На поиски квартиры у нас ушло ровно два дня. В первый день мы объехали три адреса. Вид страшных, пахнущих отходами или замшелой старостью, грязных квартир навели на нас мрачность.

На второй день поехали смотреть квартиру, которая стоила немного больше, чем рассчитывали.

Квартира располагалась в желто-кирпичном пятиэтажном доме на третьем этаже. В доме весь коридор и лестничные пролеты были выложены плиткой, полы были чистыми. Вход в продаваемую квартиру и соседнюю с ней был отделен большой массивной дверью с усиленным запором. Если ключ провернуть в замочной скважине четыре раза, то вверх, вниз и в боковину, смыкающуюся с косяком, входили железные штыри.

Осмотрев квартиру, стало понятно, вариант отличный, и лучше не найти! Мы завели разговор о скидке, но представитель продавцов сразу махнула рукой.

Квартиру только что выставили на продажу, и никто о скидках думать не станет. Хотя цена и кусалась, мы все же согласились на нее.

Назначили день сделки. За день до встречи с продавцами звонок от риэлтора:

— Катерина, здравствуйте! Сделка переносится. Продавцы ушли в запой.

— Куда ушли? — переспросила я, не сразу уразумев значения сказанного слова.

— В запой, — повторила риэлтор, внутренне ожидая от нас выражения недовольства.

— Как ушли?! Надолго? Что теперь? — я еще никак не могла взять в толк произошедшее.

— Будем ждать, когда выйдут. Раньше никак не получится.

— Сколько ждать? — я чуть не заплакала от досады.

— Трудно сказать, обычно на неделю уходят.

Мама попросила позвать священника. Хотя в Бога не верила, не верила и в переход в иные миры после смерти, Антонида Павловна решила покаяться.

Мы со Славой понимали, дело идет к концу. Чем могли, помогали ей, покупали продукты, какие она хотела, поддерживали разговорами, но они ей были уже не нужны. Она быстро уставала, и разговор с ней более пятнадцати минут не длился. Очень тяжело смотреть, как с каждым днем человек терял силы и угасал.

Комнаты продали; и теперь ждали, когда собственники квартиры прекратят праздновать продажу своей квартиры. Других причин для запоя перед сделкой не придумаешь.

Это промедление казалось вечным. День шел за днем. Мама могла умереть в любую минуту. Я молилась каждый день за продление ее времени на Земле, Слава тоже.

Без нее доверенность, выписанная на меня, потеряет силу, а вместе с ней и наша надежда на переезд из этого адового места.

В ожидании мы собирали свои вещи, складывали чемоданы, готовили бытовую технику к перевозу. Когда я собирала вещи мамы, то мы с ней словно играли в какую-то игру. Я показывала ее платье или кофту, а она мне отвечала: «Берем с собой», «Поношу еще» или «Не бери, ладно», «Можно выкинуть».

Прошла неделя. Началась вторая. Я поглядывала на свой телефон чуть ли не каждую минуту. Риэлтор не звонила. И только в конце второй недели раздался звонок. Наконец-то!

Мы вышли на сделку. Вместе с тем оформили ипотеку. Стали готовиться к переезду.

Все перевезли. Унесли вниз последние вещи. Осталась только мама. Она лежала на старом раскладном кресле в своей комнате, одетая в плащ и платок.

— Мама, пора, — сказала я.

— Я не поеду! — заявила она.

— Как не поедете? — оstonбенела я.

— А так. Вы езжайте, а меня оставьте здесь.

— Но вы же понимаете, что это невозможно.

— Я сказала, не поеду, значит, не поеду! — заупрямилась мама не на шутку.

Внизу ждала машина. Я подошла к Минор, которая до обеда находилась дома.

— Она не едет. Может быть, вы с ней поговорите? — попросила я умоляющим голосом.

Минор вошла в наше положение и зашла к маме. Через долгие десять минут дверь открылась.

— Она готова, — тихо сказала соседка.

— Спасибо! — я от души поблагодарила маленькую женщину. Она сыграла свою роль еще раз. Наверное, тоже переживала.

Слава с одной стороны, я — с другой подхватили Антониду Павловну. Старушка с трудом передвигала ноги. Посадили ее в такси.

Доведя ее до новой квартиры, положили на ее диван. Она легла, закрыла глаза и... с ней что-то случилось. Она то вскрикивала, то шептала что-то, то забывалась неровным сном. На наши вопросы не отвечала. У нее начался бред.

Для ночлега мы со Славой постелили себе на полу на кухне. Вдруг среди ночи послышался крик мамы:

— Катя! Катя! Слава!

— Да? — крикнула я спросонья в ответ.

Встала, подошла.

— Катя! Слава! — мама кричала в бреду, но не откликалась на обращенные к ней слова или вопросы.

Мы вставали по очереди и подходили к ней. Она не узнавала нас и снова звала:

— Катя! Слава!

Через четыре дня, не приходя в сознание ни на минуту, она ушла. Квартиру новую так и не увидела.

Мы вызывали ей доктора, который развел руками в бессилии перед желанием ее души покинуть этот мир.

Тот факт, что мама Славы нам очень помогла, мы осознавали в полной мере и были ей благодарны. Желание ее купить квартиру в Дзержинском районе мы исполнили. Конечно, в какие-то моменты мы могли быть к ней более внимательными, где-то более разговорчивыми, в чем-то более терпеливыми. Но эти возможности уже не вернуть...

Человек ушел, а после себя оставил добрую память, выраженную в материальном благе. В ее вещах мы также обнаружили сто тысяч рублей, собранных с пенсии. Мы похоронили ее с почестями.

Предсмертное признание

Вот так мы приобрели жилье. В новом жилье — новая жизнь. И начиналась она с того, что Слава признался Кате ... в смертном грехе мамы.

— Когда умирала мама, она призналась мне в сговоре с моей бывшей женой. Она же не знала тебя и была настроена против. И желая, во что бы то ни стало разлучить нас, с подачи бывшей невестки мама опаивала меня отворотным зельем.

Бумеранг сработал. От автора

Кто обидел Любовь, а она есть самое светлое и чистое в этом мире, будь готов платить по счетам. По идее это относится ко всем поступкам и делам человека. Сказал дурное слово — жди, тебя так же обзовут. Накричал на кого-то — тебя покроют неласковым словом, или же мысленно пошлют в твой адрес недобрый посыл. Не буду уж упоминать о более тяжелых грехопадениях.

В нашей культуре есть прекрасные мудрые поговорки, одна из них гласит: «Не рой другому яму, не то сам в нее попадешь». Ее можно перефразировать следующим образом: «Не делай другому зла, и сам будешь здоров».

Сотворив зло, которое оказалось на грани исполнения, когда младший сын Антонида Павловны чуть не потерял Катю, она сама потеряла здоровье. Закон бумеранга сработал безотказно. Сын-то маме плохого не желал, а, напротив, старался быть ей полезным, так же, как и Катя.

Ее, как и первую невестку, по-человечески понять можно. Перестрадали они. Катя, видя, что человек женат, могла бы и отказаться от отношений. Но девушка находилась в состоянии влюбленности, была уверена, что встретила своего Избранника, которого искала годами, и перед собой видела только его, забыв обо всех и обо всем.

Истина где-то посередине. Попробуйте найти ее...

Избавиться от злости

Тяжелый камень злобы...
Зачем его таскаем мы с собой?
Он с силою ко дну нас клонит
И заставляет прозябать на нем.

Быть может, выпустить его из рук
И не держаться, как за якорь?
Так много он приносит мук
Душе, к которой он привязан.

Снимите якорные цепи,
Отриньте тягостный сей груз!
Он сокращает время вашей жизни,
А вы лелеете его, как будто он Вам сват и кум.

И вы таскаете его с таким упорством,
Как будто он последний ваш оплот,
И без него ни шага не шагнете,
А просто улетите прочь.

Не к этому ли мы стремимся,
Не для того ли рождены,
В воздушный шарик чтобы превратиться

И вознестись над злобой, свободным от нее?

СГУБЛЕННАЯ БЕРЕЗА

Эниология в действии

Земля — очень удивительная планета. На ней возможно все: Добро и зло, и даже магия. Белая и черная магия используется в жизни почти каждого человека, и часто даже неосознанно. Человеку дано право выбирать, но сначала же он познает, что есть зло и что есть Добро.

В жизни всегда происходят вещи, которые доказывают работу Высших Законов, и только слепой их не увидит. В Катиной жизни такие события имели место быть, что свидетельствует о не только работе Высших Законов, но также и о том, что ДЕЛАТЬ НЕЛЬЗЯ никому и никогда. Это касается применения магии. Хочешь быть жив и невредим, остановись, не колдуй, потому что ты не можешь знать и видеть ВСЕЙ картины того события, к которому ты оказался причастен. За любую магию человек несет ответственность, за любую.

Перехожу к самой сути.

Помня о женщине-маге и спирали, которая она складывала с большой таинственностью, Катя увлеклась чтением материалов одного магического сайта. Там выкладывались интересные и даже полезные вещи, например, о травах и их свойствах, магических, разумеется, а также о старинных русских сакральных традициях, знакомых нашим женщинам от своих бабок. Кроме того, время от времени появлялись статьи о ритуалах, при помощи которых можно наказать обидчика. Некоторые из них заключались всего лишь в правильно сказанной формулировке. За этим сайтом стояла организация, и в нее мог попасть любой, прошедший инициацию.

Катина подруга Роза прошла этот ритуал посвящения. Катя воочию наблюдала, как та изменилась с тех пор. Первое, что бросалось в глаза, — она стала сильнее, в ней появилась уверенность. Второе, дела ее пошли в рост, успешнее стал бизнес, которым она занялась, а именно, открыла свои странички в соцсетях с услугами нумерологии и тарологии, которые она постигала одновременно. Клиенты к ней летели как мотыльки на огонь не столько благодаря инициации, давшая толчок к развитию, сколько благодаря тому, что Роза сама регулярно проводила различные магические действия, которым целенаправленно и осознанно обучалась на сайте.

«...Моя подруга предлагала и мне пойти по ее стопам. Но неожиданно через другую свою знакомую узнала о книге В. Ю. Рогожкина «Эниология», где расписано-прописано, что магией заниматься нельзя, почему нельзя и к чему это приводит, если заниматься.

Интересное положение возникло у меня: с одной стороны идущая в рост знакомая, зовущая последовать за ней, и, с другой стороны, — полная противоположность, раскрытие вреда магических действий. Читая «Эниологию», я соглашалась с автором книги, понимая и принимая ее. Правда, вместе с тем уже успела заразиться вирусом «творить справедливость» при помощи магии от Розы и решила проучить зарвавшегося богача и наслать на него заслуженную кару.

Срубленная береза

Мы с мужем каждый год запасаемся вениками. Машины у нас нет, зато есть квартира, огородик и банька старенькая, которой пора уже быть давно отремонтированной, но не об этом речь. Чтобы набрать веников, нужно куда-то ехать за город. Мы и ездили несколько лет подряд на электричках. В прошлом году нам повезло, и мы набрали веников, прямо-таки не выходя «из баньки».

Неподалёку от нашего огорода проходят высоковольтные провода. В том году под ними шла плановая вырубка растительности, под которую попадала и береза в большом количестве. Вырубленное за день вырубщики складывали в стопки и вечером вывозили. После работы они отбирали лучшие ветки срубленных берез и вязали веники. Явно не для организации, которая их направила на вырубку.

В какой-то очередной день, идя своей обычной тропой в огород, наткнулись на неубранные ветки березы. Не сказать, что они были очень хорошие, далеко нет, зато на несколько веников могло хватить. Долго не мешкая, мы набрали отрубленные ветки и перенесли их на свой участок, где навязали отличные веники, которыми потом парились всю зиму.

Пришла пора заготавливать веники и в этом году. Мы поехали в окрестности одного из дачных поселков, — каких много вокруг нашего города, — куда обычно ездим в жаркие дни лета. Таксу взяли с собой.

Поскольку дачи находились на берегу реки, мы не преминули сначала закупаться, а выходя с пляжа на проселочную дорогу, увидели: катит большой пикап с прицепом. А в прицепе — срубленные толстые приствольные ветви березы. И закатывается он себе в свой особняк за высоким железным забором с угрожающей надписью на воротах «Моя собака добежит до ворот за полторы секунды, а ты?»

«Ага!» — подумали мы. — «Березу можно найти здесь». Пошли по следу пикапа. Не успели углубиться в пролесок, как нам замаячил свежий сруб березы. Целая береза была срублена под корень!

— Веток что ли ему мало, так надо просто березу уничтожить! Лень ветки ломать, лучше спилить целое дерево, — высказала я свое возмущение.

— Не умеют люди с деревьями обращаться, — констатировал Слава без особых эмоций.

— А если бы им так? Руки-ноги отпилить и бросить, — распалялась я все сильнее.

— Тише, тише, Катя. Угомонись. Лучше ветки собирай.

А у меня такое возмущение внутри поднялось против этого вандализма и против всех богатых, прячущих свое богатство за воротами, что решила восстановить справедливость. И не как-нибудь, а самым действенным и, главное, доступным мне способом.

Походив по тому месту, где была спилена ни в чем неповинная береза, мы с мужем обнаружили «останки» некондиционных, видимо, на взгляд рубщика, веток. Мы собрали все веточки до единой, — а это были не просто ветки, а ветви с большим количеством более мелких веточек березы, — и отнесли подальше от глаз, вглубь поляны.

И пока муж обдирал мелкие веточки, которые могли бы сгодиться для вязания веников, я вернулась в торчащему пню спиленной березы. Подойдя к вопиющему о своей гибели дереву, произнесла магические слова, направленные на возврат сотворенного действия богачу-рубщику.

Не стану приводить дословно свою речь, скажу, что она была жаркой, направленной и содержала основную мысль: «вот и тебе бы так, как ты с деревом обошелся».

Сказав речь, ко мне не пришло ощущение, что сделала доброе дело, а, напротив, появилась тяжесть в душе и вокруг головы. Вернувшись к мужу, присоединилась к процессу заго-

товления веников. Бонька бегала вокруг и радостно исследовала местность. Помимо того рубщика людей более не наблюдалось, — рабочий день все-таки.

— Ты где ходила? — спросил Слава.

— Смотрела, остались ли ветки, — сначала отвлеченно ответила я.

— Не нашла ничего?

— Плохонькие остались, для веников не годятся.

Помолчали.

— Да если честно, магию сотворила. Как так можно с деревьями обходиться? Пожелала рубщику стать честным и любящим природу, — возмутилась я праведным голосом.

— Зачем ты лезешь? Ты же всего не знаешь. Мало ли что у него в жизни. Опасно это.

Слава покачал головой.

Закончив, мы немного еще погуляли и ушли на электричку. Кстати, из «забракованного» рубщиком материала у нас набрался целый мешок веток. Нам не пришлось ломать ветки у берез, — воспользовались уже готовым срезом веток.

Все то время, пока мы ехали назад домой, потом после обеда шли в огород, и даже когда делали веники, меня мучила мысль о том, что же сделала не так, почему в голове тяжесть?

И пришла к выводу: быть может, этот человек березу срубил не только ради веников, стволы будет использовать в качестве дров, и, возможно, он вообще подает милостыню или участвует в делах милосердия. Так, следовательно, я зазря на человека наговорила, ведь не знаю ни его жизни, ни его мыслей!

Покаялась я.

Но было уже поздно.

Гладкая дорога

На следующий день мы поехали к моим родителям, они в пригороде живут, сад держат. Ехать до них семьдесят километров. Они звали собирать ягоды виктории. Мама и папа — уже пенсионеры, ягод им много не надо. Боню взяли с собой, и даже хотели ее оставить у мамы на несколько дней.

Дорога в Н. городок нелегкая, особенно по жаре, да по пробкам на дороге. К тому же цены на билеты поднялись по сравнению с зимой в два раза. Я зашла в интернет, открываю первый сайт, где написано «билеты со скидкой». Отправление в 23:00, значит, пробок и жары не будет. Отлично! Заказываю билеты туда и обратно. Этот рейс был самым первым таким рейсом, его только разместили на сайте. Автобус шел на Казань и почему-то имел остановку в маленьком городке Н., а потом в Ижевске. Крюк, который совершал при этом автобус, заезжая в Н., был нам на руку.

Очень довольные, что обнаружили новый вариант, облегчающий дорогу до пригорода, мы приехали около одиннадцати вечера на место остановки Казанского автобуса, а там... еще куча народа, и тоже на этот рейс.

Пока мы шли до автобуса с остановки общественного транспорта, мне подарили розу. Молодой человек на улице раздаривал розы девушкам и женщинам, проходившим мимо. Думаю, вам известна такая практика — «подари розу незнакомым женщинам». Ее используют те, кто в скором времени хочет познакомиться со своей суженой или просто притянуть хорошие события в свою жизнь. Я видела женщин, шедших навстречу с розой, мамочек с коляской, стоящих на тротуаре с розой в руках. Шлейф от бескорыстного дарения цветов тянулся тонкой нитью по всей длине нашего пути. У молодого человека цветы уже подходили к концу, но, тем не менее, у дарившего улыбка была широкой и добродушной.

Вот та магия, которая притягивает доброе и счастливое! Такую магию можно использовать, пожалуй, не задумываясь о последствиях.

Посадка на автобус затягивалась. Водители, не зная точно, как оформлять проездные документы, сначала проверяли по сайту билеты, потом заполняли формы в двух экземплярах. Наконец-то тронулись.

Мы ехали не той дорогой, которой едут обычные автовокзальные автобусы, а воспользовались скоростной дорогой, которая обходила стороной длинный пригород. Сказка!

Высадить нас должны были в начале городка Н., где стоял ТЦ «Светофор». Но водитель «благополучно» проехал мимо ТЦ. Он его просто не увидел, поскольку тот стоял торцом к дороге и не светил неоновыми вывесками — маленький городишка, какие там вывески! Время было позднее, добираться от «Светофора» до центра — не менее двух километров, и я промолчала. Только когда мы завернули в центр города, сообщила водителям, что «Светофор» мы проехали, и нам надо уже выходить.

Нас со Славиком высадили. Больше никто не изъявил желания выходить. Мы с ним радовались, как дети, которым досталось по большому и сладкому куску пирога. Но то, что произошло дальше, стерло все впечатление от поездки. Стерло вообще всякое настроение.

Рана

Весь следующий день мы провели в саду, помогая моим родителям ухаживать за растениями. Собрали хороший урожай ягод. Ночевать мы решили в саду, благо погода стояла по-настоящему летняя, да и таксу уложить спать в садовом домике проще, чем в квартире.

Мама с папой уехали в свою квартиру, а мы доделывали садовые дела. Я заканчивала полоть кусты малины от сильного и вездесущего вьюнка, муж — поливку кустов виктории. Как только начало смеркаться на тропке между грядок внезапно появился ежик. Слава взбодрился при виде зверька.

— Катя, ежик! Иди сюда!

Я подошла.

— Милый какой! На охоту вышел.

Ежик не предполагал, что вызовет столько внимания на себя в сумеречный час, и вскоре убежал прочь.

На улице уже почти стемнело. Нам оставалось только облиться из шланга прудовой водой и идти спать. Я сидела на лавочке, ждала своей очереди. Муж облился, позвал меня. Я резко вскочила с лавочки, на которой сидела, поспешив на зов. Однако до шланга с водой не дошла. Запнувшись за что-то, со всей силой грохнулась на бетонную отмостку, опоясывавшую садовый домик.

Острая боль захлестнула мой мозг. Я закричала. От боли не могла встать, но с трудом оторвавшись от земли, доковыляла до лавочки, на которой только что сидела. Слезы лились градом, такой боли не испытала давно. Ниже колена нога горела, ее жгло болью. Бонька скулила рядом, льнув к моим ногам.

Следующие часы прошли в болевом кошмаре. Муж принес ледяную воду из ручья, что протекал недалеко за участком. Вода в бочках и в водопроводе была теплой, и не годилась для примочек.

Я боялась посмотреть на рану. Так впотьмах, на ощупь, обмакивала головной платок — никакой другой подходящей тряпки не нашлось — в ключевую воду и обматывала рану. Щипало. Приходилось терпеть. Так меняла повязку несколько раз до тех пор, пока смогла терпеть боль. Потом, замотав поверх платка еще и свои хлопчатобумажные бриджи, легла на кожаную софу. Уснуть не удалось ни на секунду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.